

Олег Лебедев

Заплата для мироздания

Олег Лебедев

Заплата для мироздания

«Автор»

2026

Лебедев О.

Заплата для мироздания / О. Лебедев — «Автор», 2026

Что делать инженеру, если Вселенная начала «лагать»? Исследовательский корабль «Пенроуз» оказывается в эпицентре физического абсурда — рядом с «голой» сингулярностью. Этот объект нарушает законы науки и должен быть скрыт. Но горизонт событий исчез, и теперь Космический Цензор судорожно пытается исправить баг реальности. Пока ученый Петрович восторгается «наготой космоса», ведущий инженер Василий обнаруживает, что гаечные ключи производства АО «ЗАСЛОН» становятся мягкими, как бананы, а время в столовой зациклилось. Вселенная решает стереть назойливых свидетелей вместе с кораблем. Когда приборы отказывают, а пространство распадается на пиксели, Василий понимает: фундаментальная физика бессильна там, где пора применять инженерную смекалку и... информационный мусор. Спасти экипаж могут только синяя изолента, здоровый пофигизм и пара терабайтов самых несмешных мемов из архива.

© Лебедев О., 2026

© Автор, 2026

Олег Лебедев

Заплата для мироздания

Пролог. Сбой системы

В начале было Слово, но в конце, скорее всего, будет ошибка компиляции.

За триста лет до того, как «Пенроуз» вышел на орбиту объекта «Тета», человечество верило, что законы физики незыблемы. Считалось, что Вселенная — это идеально отлаженный механизм, где каждая частица знает свое место, а каждая черная дыра прилежно носит свою «одежду» — горизонт событий. Сэр Роджер Пенроуз называл это «Космической цензурой»: природа слишком стыдлива, чтобы показывать свою истинную суть, бесконечную плотность сингулярности, случайному прохожему.

Но Вселенная оказалась не механизмом. Она оказалась кодом. А в любом коде бывают баги.

Сбой произошел в системе двойной звезды в секторе 42-бис. Два гравитационных гиганта, сливаясь в экстазе, не просто породили черную дыру — они буквально «раздели» друг друга. Слой реальности лопнул, как старая ткань, обнажив то, чего существовать не должно. В пространство выплеснулась голая сингулярность — точка абсолютного хаоса, не прикрытая никакими законами.

В ту же секунду в радиусе десяти парсеков реальность начала «лагать». Звезды меняли цвет с желтого на ярко-зеленый, время завязывалось узлами, а в штаб-квартире АО «ЗАСЛОН» на Земле одновременно вышли из строя все кофейные автоматы, начав печатать на чеках предсказания конца света на шумерском языке.

Совет Безопасности назвал это «угрозой существованию материи». Физики-теоретики назвали это «уникальным шансом для науки».

И только инженер Василий, глядя на приказ о командировке, назвал это «очередным безнадёжным объектом, который придется латать синей изолентой».

Часть 1: Экспозиция. Быт на краю бездны.

Корабль «Пенроуз» не летел сквозь космос — он в нем вяз. Василий, ведущий инженер по выживанию, а по совместительству — единственный человек на борту, способный починить тостер с помощью молитвы и синей изоленты, хмуро разглядывал гаечный ключ. Ключ был рожковым, на четырнадцать, но в последние несколько часов он периодически пытался стать мягким, как перезревший банан.

— Алиса, — позвал Василий, не отрывая взгляда от инструмента. — У нас опять поплыла константа жесткости в четвертом секторе?

— Хуже, Василий, — отозвался мелодичный, но лишенный всякого сочувствия голос ИИ. — Мы вошли в зону, где гравитационный градиент голой сингулярности начинает конфликтовать с твоим субъективным восприятием реальности. Для тебя ключ мягкий, потому что твой мозг подсознательно ожидает подвоха. Для корабля он всё еще стальной. Рекомендую использовать метод «квантового пофигизма»: просто не думай о его агрегатном состоянии, и он открутит эту гайку.

Василий вздохнул и вытер пот со лба. «Пенроуз» был старым исследовательским судном класса «Вектор», которое модернизировали в спешке под грифом «Особо важно». Его корпус, когда-то сверкавший белой эмалью, теперь напоминал лоскутное одеяло из термоизоляционных плит, датчиков плотности потока и наваренных поверх обшивки гравитационных линз. Каждая такая линза стояла как небольшой город на Земле, но здесь, в десяти парсеках от ближайшей базы Роскосмоса, они казались просто дорогими стекляшками, пытающимися разглядеть то, что видеть не положено.

Главной проблемой был кофе. Василий нажал на кнопку синтезатора, и аппарат выдал струю густой черной жидкости. Однако, не успев коснуться дна чашки, напиток замер в воздухе, сформировав идеальный октаэдр, и начал медленно вращаться, испуская слабое фиолетовое свечение.

— Алиса, я просил эспрессо, а не геометрическую аномалию.

— Василий, физика внутри тридцатикилометровой зоны вокруг объекта «Тета» носит рекомендательный характер, — парировал ИИ. — Сингулярность обнажена. Горизонта событий нет. Причинно-следственные связи путаются в показаниях. Если кофе решил принять форму октаэдра, значит, в данной точке пространства это энергетически выгоднее, чем быть просто лужей. Кстати, Петрович просил передать, что он задерживается в обсерватории. У него возникли трудности с самоидентификацией.

— Опять? — Василий осторожно коснулся пальцем кофейного октаэдра. Тот отозвался тихим звоном колокольчика.

— Да. В пять утра по корабельному времени он посмотрел в окуляр телескопа, настроенного на ядро аномалии, и теперь утверждает, что он — не ведущий астрофизик экспедиции, а вероятность выпадения «решки» в эксперименте, который проведут через двести лет. Я заблокировала дверь в обсерваторию, чтобы он не попытался самореализоваться через шлюз.

Василий сел на вибрирующее кресло (вибрация была вызвана тем, что ножки кресла находились в разных временных микро-потоках) и посмотрел на главный монитор. Там, за слоями защитных фильтров, пульсировало Нечто. Это не была черная дыра в привычном понимании — аккуратный темный диск, окруженный сияющим кольцом. Нет, голая сингулярность выглядела как взрыв, застывший в момент максимального хаоса. Ослепительная точка, от которой во все стороны расходились искривленные лучи света, похожие на трещины в лобовом стекле мироздания. Она была «голой», потому что природа не успела — или не смогла — накинуть на неё вуаль горизонта событий. Она была физическим неприличием, выставленным на всеобщее обозрение.

— Знаешь, Алиса, — тихо сказал Василий, наблюдая, как кофейный октаэдр начинает медленно таять, превращаясь в мелкий снег, — мне кажется, Вселенная на нас обижена. Мы вломились в её спальню без стука, а теперь удивляемся, почему у нас техника работает через пень-колоду.

— Вселенная не обладает эмоциями, Василий. Но если бы обладала, она бы наверняка вызвала полицию. Мои датчики фиксируют нарастание «шума» в пространстве. Космический Цензор — тот самый закон, что запрещает существование таких объектов — пытается исправить ошибку. И, судя по вектору возмущений, исправлять он её будет вместе с нами.

Василий посмотрел на свой рожковый ключ. Инструмент снова стал твердым, но теперь на его поверхности проступили странные символы, подозрительно похожие на шумерскую клинопись.

— Понял. Значит, завтрак отменяется. Пойду доставать Петровича из его вероятностного состояния. Нам нужно подготовить правый излучатель, пока реальность не окончательно превратилась в сюрреалистическую инсталляцию.

Часть 2: Научный диспут. Теория «Цензора»

Дорога до обсерватории заняла у Василия в три раза больше времени, чем обычно. Не потому, что коридоры стали длиннее, а потому, что гравитация в центральном переходе решила пойти в отпуск. Василию приходилось перепрыгивать через участки пола, где его вес внезапно увеличивался до центнера, и проплывать через зоны, где воздух становился плотным, как кисель.

Перед дверью обсерватории он остановился, чтобы перевести дух. Из-за бронированной перегородки доносились приглушённые крики и странный звук, напоминающий игру на арфе, хотя музыкальных инструментов у Петровича сроду не водилось.

— Алиса, разблокируй дверь. Только медленно. Не хочу, чтобы его «вероятностное состояние» выплеснулось на меня, — распорядился Василий.

Шлюз с шипением разошёлся. Внутри обсерватории царил хаос, который физики деликатно называют «высокой степенью энтропии». Стеллажи с накопителями данных вибрировали, а сам Петрович стоял в центре зала, окружённый десятком парящих в воздухе голограмм. Он выглядел так, будто его только что пропустили через центрифугу: волосы стояли дыбом, один глаз дергался, а халат был застегнут на одну пуговицу, причём не свою.

— Вася! Вася, ты вовремя! — Петрович бросился к инженеру, едва не сбив его с ног. — Ты только посмотри на эти данные! Уравнения Эйнштейна-Фридмана здесь не просто не работают, они... они ведут себя иронично!

— Петрович, успокойся. Прими вертикальное положение и выдохни, — Василий придержал учёного за плечи. — Алиса сказала, ты возомнил себя монеткой в воздухе.

— Это была метафора! — Петрович вырвался и замахал руками в сторону главного экрана. — Понимаешь, в чём суть гипотезы космической цензуры? Сэр Роджер Пенроуз ещё в прошлом веке предположил, что Вселенная — это приличное заведение. Сингулярность — это точка бесконечной кривизны, место, где время и пространство рвутся в клочья. Это... это нагота самой реальности! И природа обязана скрывать её за горизонтом событий. Чёрная дыра — это одежда сингулярности. А то, что мы видим там, снаружи — это «голая» сингулярность. Это физический эксгибиционизм!

— Я так понял, Вселенная сейчас судорожно ищет, чем прикрыться? — Василий подошёл к консоли, пытаясь расшифровать графики, которые больше походили на кардиограмму испуганного зайца.

— Именно! Но Космический Цензор — это не человек, это фундаментальный закон. Он не может просто вызвать полицию нравов. Он пытается восстановить порядок, меняя топологию пространства вокруг нас. Он «замыливает» картинку. Видишь эти помехи на датчиках? Это не неисправность твоих железяк, Вася. Это цензура на квантовом уровне! Вселенная вставляет «пиканье» в наш разговор с вечностью!

Василий посмотрел на экран, где пульсировало ядро аномалии. Искажения вокруг него становились всё более агрессивными. Свет от далёких звёзд, проходя мимо объекта «Тета», закручивался в узлы, формируя в пустоте гигантские светящиеся структуры, похожие на кружева.

— Слушай, теоретик, — Василий сложил руки на груди. — Пока ты тут восхищаешься «наготой реальности», у меня в машинном отделении гаечные ключи клинописью покрываются. Твой «Цензор» ломает мой корабль. Если он решит «замылить» нас вместе с этой дырой, на Землю вместо данных прилетит облако элементарных частиц.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.